

1. ПОД СТУК КОЛЕС И БАРАБАНОВ

Как советские студенты управлялись с вагонами и детьми

“И ду, красивый, 22-летний...»
Лето 1974-го, когда до обещанного коммунизма в стране оставалось всего 6 лет. Группа АТ-41 («Автоматика и телемеханика») Воронежского политеха. И мы с другом Витькой в раздумьях: что делать будем этим летом? В августе — производственная практика. А мы уже почти «дембеля» и давно мечтали на море съездить. Москва, конечно, «порт пяти морей», но на самом деле море в СССР было одно — в Сочи, и все, кто знал прикуп, ехали туда.

Деньги на море надо было заработать. И тут нам подфартило: железная дорога позвала студентов в проводники, и часть нашей группы отправилась в депо на Донбасской. Там нас взяли. Но прежде чем отправиться куда-нибудь на поездах дальнего следования, надо было пройти обкатку на местных маршрутах.

Поезд Воронеж—Бузулуновка — весь в шрамах, прокуренный и пьяный. Проводник в нем был один на два вагона. Чай-белье не разносил, но кипяток в бойлере должен был обеспечить. Плюс выходить на остановках с флажком и присматривать за порядком. Народ в поезде рабочий и отчаянный, так что в случае пьяной драки лучше было сидеть в купе, прикидываясь спящим. Так что ехали долго и тоскливо.

Но зато со второй поездки началась совсем другая жизнь — светская. Сегодня ты в Воронеже, а завтра в Ленинграде. Или в Киеве. А еще через пару дней — в Москве, и весь день столица в твоём распоряжении. А еще через неделю — в том самом вожделенном Сочи. И с утра до вечера наслаждаешься субтропиками; причем не надо тратить на билеты! Наоборот, еще и левые заработки: билеты на юг были тогда в дефиците, и «зайцев» хватало. Правда, иногда поезда шерстили контролеры, но они тоже живые люди, и с ними всегда можно было договориться.

Там же, в Сочи, случился у нас с Витькой забавный психологический эпизод. Начался он с того, что у киоска с пивом мы как-то присели с кружками на бордюр, а он был обработан хлоркой, и наши моднейшие вельветовые джинсы были обезображены. Запасных штанов мы с собой не брали и в таком виде отправились пообедать в кафе на пристани у морвокзала. За столик я принес бутылку сухого вина, а Витька встал в очередь за едой, и были мы в тех самых джинсах. Тут за столик наш подсел мятый мужик с бутылкой дешевого портвейна, подмигнул мне и сказал:

— Похмеляемся, братишка?

Он явно принял нас за своих. Тут подошел Витька, и я ему вдруг сказал фразу с пластинки группы «Monkeys», а Витька мгновенно среагировал и ответил мне фразой из «Beatles» — типа, на английском. Хотя смысла этих фраз мы не знали.

Надо было видеть, как изменилось лицо мужика с портвейном. Произошел короткий разговор, из которого выяснилось, что мы — дети наших дипломатов; вот приехали посмотреть на отечественный курорт.

Мужик незаметно убрал свой портвейн со стола, стал вежлив, как атташе, и вскоре начал прощаться, дико извиняясь: мол, отдохните, ребята, не смею вам мешать...

Две фразы на якобы английском превратили наши джинсы с пятнами хлорки из маргинальных в последний писк моды в стане детей дипломатов — вот как словесное обрамление меняет суть вещей. Чем не квадратура Малевича!

Весь июнь у нас была не жизнь, а малина. На посадке подежурил, постели-чай разнес, и в купе тебя уже ждут ребята из нашей группы — пульку расписать. Иногда пассажиры отвлекают на какие-то мелкие хлопоты, но это пустяки. А уж спать под стук колес — одно удовольствие.

Месяц такой работы-мечты, и деньги для поездки на море мы заработали. И провели июль вместе с друзьями из группы на сочинских пляжах, в кафешках, за преферансом, на каких-то танцах и вообще занимались тем, что называют прожиганием жизни.

Сражение в Дубовке

То лето вообще стало одним из самых памятных. В августе производственная практика на заводе «Электроприбор» вынесла нас из скучного, пыльного города в Дубовку: профком предложил нам с Витькой отслужить практику в заводском пионерлагере «Искра». Мы, конечно, были только «за».

Меня назначили воспитателем в 1-й, старший, отряд, Витьку — в 4-й. Но моя воспитательская карьера закончилась быстро. В первый же вечер ко мне пришла гурьба «воспитанников» и сообщила, что ночью они пойдут на Усманку купаться. Это традиция, и ничто на свете не может ее нарушить. Они решили меня честно предупредить. А я решил пойти вместе с ними — мало ли... На следующий день об этом стало известно директору лагеря, и меня понизили в должности и перевели пионервожатым в 4-й отряд, к воспитателю Витьке; в его отряде не было традиции ночного купания. Вдвоем мы и отработали всю смену без происшествий.

Дубовка была детским садом Воронежа, переполненным детьми, одекolonным запахом сосен, трав, заповедной речки; вольница игр, кормежка от пуза — приходилось даже убеждать детей, чтоб они доедали. Линейки, плавание, конкурсы, соревнования, флирт с девушками-пионервожатыми — что еще нужно, чтоб жизнь снова стала малиной?

Были, конечно, и проблемы — типа взаимного мазанья мальчишек и девчонок зубной пастой по ночам, но бороться с этим было бесполезно.

Мальчишкам мы с Витькой легко нашли главное занятие: играли с ними в футбол. Вся их шумная воробьиная стая — против нас двоих. А вот девчонки на нас обижались: мало мы с ними занимаемся. Тогда ведь футбол считался чисто мужским занятием.

Мальчишки, впрочем, тоже обижались: им никак не удавалось нас обыграть, несмотря на огромное превосходство в количестве. Они пообещали: вот приедут физрук лагеря Жорка и плаврук Витька, они в футбол играют классно и отомстят за мальчишек.

И вскоре Жорка с Витькой, наши ровесники-студенты, приехали и акцию мщения устроили немедленно. Это был не легкий бой, а тяжелая битва двое на двое, на которую собрался весь отряд. И под бурное боление ребятишек мы выиграли — что-то вроде 23:21.

В ночь после этого нас с Витькой разбудил Жорка, повел в свои физрукские помещения, и там плаврук уже накрывал стол. Вчетвером мы устроили мировую пьянку. Жорка восторженно кричал, что в таком составе мы побьем команду obsługi любого лагеря. Да что там лагеря — сборную всех пионерлагерей Дубовки!

Физрук и плаврук занялись переговорами о матче века и через несколько дней он состоялся при большом скоплении болельщиков. В игре пять на пять (вратаря мы взяли из 1-го отряда) превосходство «Искры» было подавляющим, и мы победили со счетом 16:4 (до сих пор помню!). Авторитет наш среди мальчишек после этого стал непререкаемым, что очень помогало в управлении отрядом.

А в конце — прощальный костер. Трогательный, чуть не до слез.

Жаль, что пионерские лагеря пошли под хвост капитализму. Да и сама Дубовка давно уже не та, что прежде: часть заповедной природы заняли коттеджи, а некоторые лагеря медленно превращаются в прах земной.

Светлая им память.

2. А ТЫ ПОДПИСАЛСЯ ДОБРОВОЛЬЦЕМ?

Как воронежские инженеры спасали урожай во времена СССР

Теперь только старожилы помнят, что во времена СССР были поездки «на картошку».

В 70–80-е в вымирающих селах воронежских остро не хватало рабо-

чих рук, и по разнарядкам от обкома КПСС на заводах, в НИИ и вузах формировали добровольно-принудительные бригады для спасения урожая. Им даже кое-какие деньги порой платили за работу, но чаще обходились бесплатным проживанием и кормежкой.

Спасать приходилось все, что в земле растет: картошку, свеклу, морковь.

Крестьян по осени считают

Те поездки чем-то сродни челночному движению в 90-х. Некоторые семьи распались из-за любовных историй, возникали и новые. Муж или жена покидает семью на месяц, и чем они там занимаются в служебное от работы время, неизвестно. Городских удовольствий в деревне нет, и общение было активным — и между собой, и с местными.

Отряды «спасателей» посылали в колхозы-совхозы на два или три месяца, с ротацией: вместо отработавших месяц присылали новых. Селили в заброшенном клубе или на постой в домах, кормили в столовке либо платили хозяевам домов за кормежку. Или снабжали отряд продуктами — крупа, хлеб, мясо, масло, овощи и т.п. — сами готовьте. «Добровольцы» оставляли кого-нибудь дома в роли повара, и он (она) готовили еду.

...Я стоял у колодца и не знал, что делать: ведро с маслом оторвалось и плюхнулось в воду. Но как же я оставлю бригаду без обеда? А вокруг никого. Молод я был: полез по бревенчатым стенам колодца спасать ведро и масло. И таки спас, хотя мог бы сорваться и утонуть. Обед я тогда стоговил знатный: налепил тефтелей к рису, которые очень понравились нашей бригаде, так что меня даже выдвинули в постоянные повара, от чего я напрочь отказался: скучновато одному. Хозяйка наша принесла чашу с чем-то молочным, кусками — простокваша или варенец; никогда больше такой вкусноты не пробовал!

Не хочу сказать, что спасение масла — подвиг, но что-то героическое в этом есть. А вообще, все плохое из тех поездок забылось, осталось хорошее. Какая, например, в том колхозе случилась рыбалка! Началось с того, что местные пришли к нам с вопросом: не играет ли кто из вас в футбол? А то у нас решающая игра на выезде, а народу не хватает. Выручите, а? Не беспокойтесь, председатель освободит от работы.

Я назвался. Мы победили 6:0, из них три гола — мои. Это был счастливый для местных случай: я стал у них знаменитым. Дома в честь победы сам председатель накрыл богатые столы. Наотмечались, конечно. И я спросил у местных: нет ли у них рыбацких снастей? Пруд у вас хороший, очень тянет порыбачить. Они сказали: вообще-то рыбалка на пруду запрещена, но тебе можно. И дали мне «резинку».

Это была волшебная рыбалка, и на следующий день я накормил весь наш отряд крупными карпами.

Неприятности

Нет, сочетание добра и зла неизбежно, и кое-что неприятное сохранилось в памяти — типа пьяной драки в электричке. После которой окровавленный победитель сорвал стоп-кран и навсегда покинул наш отряд.

Еще одно записалось в памяти, как на жесткий диск: из НИИ ПМ мы прибыли в село к вечеру и сразу на ужин, а в столовой гуляли шофера из Горького, которые прибыли на машинах перевозить в закрома Родины

спасенный воронежскими инженерами урожай. Пьяны были те шофера, и один из них с матюками швырнул вилку на стол наших, потом другую, и вспыхнула драка. Наши вытолкали горьковских, и лишь в дверях тлеет конфликт: один из инженеров пугал шофера ножом, а тот крыл его матюками и твердил, что теперь ему хана.

Ретировались шофера, но вскоре к столовой с ревом стали съезжать — грузовики, горьковские сыпались из них с монтировками, и это пахло убийством. Признаться, я здорово тогда струхнул. Но обошлось разборками.

Через день наши помирились с шоферами, и отныне у объединенного нашего отряда никаких проблем с местными не было. А шофера не простили того, с ножом — не по понятиям, мол, и пытались его подловить. Но так и не подловили.

Земля и воля

Глухая деревушка — это здорово. Тишина, природа первозданная, запахи, ночи черные, бархатные, небо, переполненное звездами, каких не увидишь в городе. И ни в какой турпоездке.

По вечерам собирались теплой компанией, и нам не грозило пророчество Эйнштейна, что когда технологии заменят людям общение (как ныне!), мы станем превращаться в идиотов. Травили анекдоты и страшилки, делились житейскими историями, играли в дурака и преферанс, в «города», искали возможность устроить танцы — тем более, что девушки наши в уютных одеждах и без каблуков приобретали особый шарм.

А я однажды придумал такую штуку: давайте я буду рассказывать вам истории, как будто они со мной случились, а вы потом сами решите, правда это или нет. И стал пересказывать рассказы Герберта Уэллса — про неопытное привидение, про страну слепых, про Джимми, пучеглазого бога... Горжусь до сих пор: больше половины поверили, что фантастические эти истории случились со мной. Хотя были и насмешники. Кстати, великолепного Уэллса никто не опознал.

Или вот забытая штука: кто-то рассказывает сюжет со странностью, а остальные должны вопросами установить, в чем там дело. А рассказчик на вопросы отвечает только «да» или «нет». Ну, например: один человек, возвращаясь домой, ехал на лифте только до 6-го этажа, а потом выходил и шел к себе на девятый пешком — почему?

Игра эта обычно всех увлекала. И была полноценной роскошью человеческого общения.

Одна из поездок сопровождалась непрерывным осенним дождиком. Слякоть, грязь, а на улице моросит и моросит. Старшой наш не рисковал болезнью сотрудников, мы собирались с утра в столовой, ждали у моря погоды и занимались, кто во что горазд: шахматы, преферанс, писали письма, просто болтали. Поварахи из наших были очень недовольны: они трудились и надеялись что-то заработать, а остальные дурака валяли. Почему зря ругали они старшого, но он был непреклонен.

Или: ехали мы втроем на смену к месту дислокации. Остановились на ночь в гостинице. В номере двое парней выпивают. И меня зазвали. Ну, посидели. А поехали на танцы, — предложил один из парней. Поехали. На улице к нам примотался милицейский патруль: документики, то, се, почему пьяными в общественном месте? Новый знакомый показал им свой документик, и патруль растерялся. А он им: где у вас тут танцы,

ребят? Отвезите-ка нас туда. И единственный раз в жизни меня, выпившего, вместе с новыми знакомыми, тоже теплыми, милицейский «бобик» вез на танцы.

В деревушке на самом юге Воронежской области я коротал вечера письмами невесте. Целую тетрадку исписал. А она каждый день ходила на почту, писем ждала. И горестно решила, что я ее бросил. А я не бросил, и тетрадка тому свидетель. Так что возвращение стало на редкость медовым праздником для нас обоих. Вскоре и свадьбу сыграли. Вот что делали с людьми выезды «на картошку»!

3. САЛЬВАДОР ДАЛИ И МЯСО

Начало 80-х — самые сумерки «застоя». Нечто как бы мрачное. Но время действует удивительным образом: все плохое тонет в Лете, а хорошее сохраняется. К тому же тогда и небо было голубее, и запахи ярче.

«Интурист» звучит гордо

В те годы инженеров и наладчиков с воронежского завода «Процессор» в разных городах СССР ждали как родных: компьютеры наши были «сырыми» (шибко быстро делали — по велению Минэлектронпрома) и часто ломались. И мы сами порой выбирали, куда поехать в командировку, — Москва, Ленинград, Киев, Рига, Тбилиси, Калининград, Сочи... Вся страна была перед нами. В Москве, например, нас селили в гостиницы «Белград», «Центральная» и «Пекин» на Горького.

Довелось однажды жить даже в гостинице только для больших начальников. Администратор нам сообщил, что «не могут они поселить простых наладчиков», и требовал указать какие-нибудь важные должности. В конце концов, меня записали так: «Главный инженер города Воронежа», а напарника — «Замдиректора горисполкома».

Могут ли при капитализме простые инженеры и наладчики жить в таких гостиницах? Да всей их зарплаты на это не хватит! И никогда мы уже не вернемся ни в «Белград», ни в «Асторию»...

И отовсюду мы везли домой горы снеди и подарков. Затариться нам помогали опекуны; в каждом большом городе у нас был свой человек, которому мы ремонтировали компьютеры в первую очередь, а он обеспечивал нам гостиницы, трансфер и советы. Иногда опекуны, имена которых я помню до сих пор, и сами чем-то нас баловали: доставали нам книги, например, духи. Из Ленинграда я впервые в жизни привез жене французские духи «Диориссимо»; со временем это стало доброй традицией («Фиджи», «Кристиан Диор»). Из Киева, разумеется, всегда привозили настоящий торт «Киевский».

В последний день традиционных командировок в Москву у нас был отработанный маршрут: от Лубянки мы шли по Мясницкой на вокзал группой в три-четыре человека, заходя в каждый встречный магазин и, как саранча, скупали все, чем могли порадовать свои семьи: колбасу, конфеты, пепси-колу, сушеные вьетнамские бананы, шоколадки, апельсины, кофе растворимый, венгерские мороженые куры, игрушки, утки китайские, даже мясо — ночь в поезде оно могло пережить безболезненно.

К вокзалу мы добирались тяжело груженными, обвешанными, как будущие «челноки», сумками-баулами, зато полными предвкушения радости детей и удовольствия жен.

Гостицы доставались и соседям, и они всегда готовы были к ответным алаверды, но и без гостинцев были нам почти родственниками; ныне таких душевных соседей, которым смело оставляют ключ от квартиры, где деньги лежат, и которые всегда готовы присмотреть за детьми или перетащить мебель, не бывает.

Между джинсами и сапогами

В Ленинграде нас устраивали в гостиницы «Москва», «Астория» и т.п. Как раз после «Астории» мы с напарником и попали в совершенно позорную историю. Командировка получилась успешной, но весьма напряженной, и мы не успели затариться гостинцами для дома. Лишь в последний день судорожно заполнили по сумке замороженным мясом и едва успели в Пулково к своему рейсу. Сдали вещи в багаж, но случился облом: рейс наш откладывали и откладывали «по техническим причинам».

Ждать пришлось долго. Мы ловили объявления по аэропорту, купили в ручную кладь по шесть бутылочек пепси-колы, потом сходили пообедать в кафе по соседству, вернулись, и вскоре нас позвали на посадку. В самолете народ был измучен ожиданием; мужики ругали и погоду, и Аэрофлот, особенно негодовала молодая женщина с постоянно хнычущим младенцем.

Загудели двигатели, и перед взлетом стюардесса спросила: все ли забрали свой багаж с отмененного рейса? Это поразило нас с напарником. А что, надо было забрать?! Ну да, самолет же заменили. Похоже, это случилось, когда мы отходили пообедать.

Двигатели выключили, и Пулково принялось искать наш багаж. Нашли не сразу, и мы с напарником не поднимали глаз, чтоб нас не испепелило. А потом вдоль самолета покатали тележку с нашим багажом, и я эту картину вспомню и на смертном одре: на большой тележке, обитой цинком, лежали две жалкие, сморщенные окровавленные сумки, под которыми растеклась грязно-розовая лужа.

Все, занавес. Единственным утешением в той командировке стало вот что.

Мы тогда жили в знаменитой «Астории» — правда, с видом во двор, на мусорку. И ленинградский наш опекун предупредил: в универмаге «Юбилейный» завтра выбросят импортные джинсы. Но встать надо затемно, чтоб очередь занять.

Дежурная разбудила нас в полшестого, и через час мы были у «Юбилейного». Тьма, с Невы дул пронизывающий ветер; мы обошли универмаг — ни души. Кой черт нас подняли в такую рань?

А потом из телефонной будки неподалеку вышел мужик и спросил: вы за джинсами? Тогда записывайтесь. Нашими номерами стали 56 и 57. А где народ? Да рассосались все — разве можно простоять на таком ветру до открытия.

Мы зашли в какой-то подъезд и пытались дремать на подоконнике, периодически выходя на разведку. Наконец, из служебного входа универмага вышли люди и стали расставлять столы и коробки с товаром. К тому времени в очереди стояло не меньше двухсот человек. Очередь была толстая, жалась к стенам универмага и сильно распухала к голове; там уже начали скандалить, кто и когда занимал, и кого здесь не стояло. Появилась милиция и стала выдерживать из очереди тех, кто пытался пролезть вне списка.

В одном месте от стены отвалилось человек десять — их будто жатой пружиной вытолкнуло, и отчаянные их попытки втиснуться обратно были безуспешны.

Торговля, между тем, началась, и по очереди загудело: сапоги, сапоги, сапоги...

Оказалось, «выбросили» не джинсы, а зимние финские сапоги по 90 рублей и осенние австрийские по 140.

Очередь уменьшилась, но не сильно. Почти все, кто стоял за джинсами, теперь стояли за сапогами. И мы стояли. Я переживал за размер — вдруг малы будут или велики. И вспоминал, как в Риге я купил заячью шубку для сына и даже во сне радовался, что везу ему такую классную вещь, и представлял, как обрадуется жена. Но шубка оказалась ему мала, и ее пришлось продать.

Но в тот раз мне повезло (кроме багажа в Пулково), и сапоги оказались в самый раз. И вообще, все неприятности отваливаются, когда уже дома, в Воронеже, взбираешься с сумками на четвертый этаж своей «хрущовки», а там тебя давно ждут, и сын уже раз десять спросил: когда папа приедет?

Дверь распахивается, и наступает один из лучших эпизодов в жизни. Ну, а к сапогам, пепси-коле и мясу — настоящие французские духи «Сальвадор Дали». Вишенкой на торте.

А что, приятно вспомнить.

4. ЙЕНА, ПАРАДОКСОВ ДРУГ

Путешествие в страну развитого социализма

Попасть в кадровый резерв на заграникомандировки было мечтой любого советского инженера. И в 1984 году эта мечта для меня сбылась: посылают в ГДР на два года с семьей — обслуживать вычислительные комплексы воронежского завода «Процессор» на предприятии «Карл Цейс — Йена». ГДР по престижности командировок стояла на втором месте после Финляндии. Моего друга определили в Польшу на два года, тоже с женой и ребенком, и они к этому готовились со всею приятностью. Потому как своего жилья у одного из лучших спецов завода не было; семья его мыкалась по съемным квартирам с маленьким беспокойным ребенком и уже смирилась с тем, что своей крыши над головой им в этой жизни не видать. И Польша, конечно, была благодатью.

Однако с заграникомандировкой друг мой обломался. Причем жизни наших семей определила монетка. Вот как это случилось.

Зашел к нам на участок начальник цеха и сказал: ребята, кому-то из вас надо срочно ехать в командировку. Но мы с Андреем уперлись: дорогой Виктор Васильевич, нет. У нас и так две командировки были подряд, мы усердно там поработали, и нас жены и дети, считай, месяц не видели; не, мы в отгула уходим, отдыхать.

Ушел начальник. Но вскоре вернулся: братцы, очень ответственная командировка, кого, кроме одного из вас, могу послать?

Но мы стояли насмерть: выдохлись, мол. Опять он ушел. Но и в третий раз вернулся: парни, у меня в кабинете сидит представитель санатория Министерства обороны в Крыму. Кровь из носа, туда надо съездить и два их комплекса починить. Выручайте.

Мы с Андреем вошли-таки в его положение и поступили так: броси-

ли монетку, кому ехать. Выпало ему. Через неделю он вернулся и рассказал, что починил он комплексы, пришел к начальнику санатория, и генерал положил перед ним на стол ключи: вот трехкомнатная квартира, переезжай к нам на работу — обслуживать вычислительную технику.

Такой вот соблазн для бездомного инженера. А если б я поехал, то соблазняли б трехкомнатной квартирой меня. И еще неизвестно, что бы я выбрал: квартиру в Крыму или поездку на два года в ГДР. Андрей выбрал квартиру. Вот какое значение в жизни может иметь простая трехкопеечная монетка!

Тем временем поездка наша в ГДР зависла: врачи не желали выпустить за границу 5-летнего Сашка — диатез. Больше года мы бродили по кабинетам врачей, доказывая, что Тюрингия — самый экологичный край Восточной Германии, и ребенку там будет намного лучше, чем в промышленном Воронеже. Одна врачиха на это ответила так: вот вы только о себе заботитесь, как бы заработать на халяву, а про ребенка не думаете, а его там стрессы ждут — как такому малышу жить среди немцев? И вообще, ему там хуже будет.

Давать взятки мы не умели. Жена долго носила с собой в качестве презента хрустальную вазу для врача, но так и не решилась всучить ее. Мы даже смирились, что не поедem, стали ждать второго ребенка, а потом отец мой, ветеран войны, случайно добыл бланк нужной справки с печатью (спер, иначе говора, со стола врача), мы ее собственноручно заполнили, и проблемы разрешились: нам включили зеленый свет.

В Москве потом ответственный товарищ всю нашу кучу документов, которую в муках добывали мы целый год, и смотреть не стал: просто смахнул ее в стол, да и дело с концом. И в июле 86-го мы отправились в неведомое.

С голодного края

На вокзале Воронеж-1 нас провожали в Москву родители и друзья. Вздыхали, поглядывая на живот сильно беременной жены моей и на Сашка, которого обе бабушки с полным на то основанием называли шилом. Теща сказала Оле, утирая слезу: на муки едешь... Родители наши боялись, особенно — «недобитых фашистов»; мол, зарежут в роддоме. И мы обещали им, что рожать Оля будет в больнице советского гарнизона в Йене.

В Москве действительно были муки. Жара, июль. Мы не смогли купить вечером в магазине молока для каши сыну — нету-с; до вечера все молочные продукты разбирали даже в столице нашей Родины, из которой поезда во все стороны шли с запахом колбасы.

Напряг кончился в Берлине, будто шторы отдернули. Из вагона я вышел в разбитых босоножках, и надо было срочно купить обувь, достойную советского специалиста за границей, но по воскресеньям немецкие магазины не работали. Так и шмыгал я в обрезанных босоножках — типа, как на пляже. Зато в душах наших были покой и блаженство, и даже мелкие недомогания отступили. Мы бродили по городу, разглядывая витрины, и чувствовали себя, как в Цветочном городе из «Приключений Незнайки».

Бездна отделяла нас от родного Воронежа, где я затемно вставал у закрытого гастронома в очередь за маслом, молоком и сметаной, с непременно толчеей и «вас здесь не стояло!», а ближе к открытию жена будила сына, и вместе с тещей и тестем они приезжали на троллейбусе и вста-

вали в очередь, потому что «в одной руке» давали ограниченное количество продуктов. Еще ездил я в спецмагазин на Ленинском проспекте за докторской колбасой и гречкой — их продавали по рецепту врача для тещи, которой «повезло» быть диабетиком.

А в Берлине проблема была в другом — как сориентироваться в изобилии. Не только с едой, но и с одеждой-обувью, и вообще. И, конечно, мы регулярно попадали в ситуации, о которых потом дома рассказывали байки.

«Карл Цейс» поселил нас в трехкомнатной квартире — неслыханная роскошь для советского инженера, привыкшего жить с женой, ребенком, тещей и тестем в двухкомнатной «хрущовке» (и ведь это не казалось теснотой!); в немецкой трешке мы с женой поначалу просто терялись и звали друг друга или сына: ты где?..

Много чему пришлось нам удивляться в Йене. Например, гастрономии. На заводе кормили сытно, и основным блюдом были айсбайны — свиные ножки с гарниром из картофельного пюре и тушеной капусты. А гречки, например, мы в Йене вообще не видели; не знают немцы такой еды.

Купили как-то плавленый сырок «Цигенкэзе» — козий. Дома развернули, а он весь покрыт плесенью! Разочарование: вот вам и немецкий порядок — заплесневелые сырки продают! Ну, выбросили. А потом немцы нам объяснили, что козий сыр и должен быть с плесенью. Мы попробовали, и цигенкэзе стал традиционным продуктом на нашем столе.

Или: купила жена фляйшвурст — что-то вроде сырого фарша в колбасной упаковке. Дома сделала из этого фарша котлеты, и они оказались совершенно никакими. А оказалось, что этот фарш немцы просто мажут на бутерброды. И тоже — попробовали и очень привыкли; вкусно же!

Одним из самых больших удивлений стал немецкий менталитет. Случилось как-то, что мы с женой крепко повздорили. Я хлопнул дверь и ушел в гаштет — пивную (немецкое пиво нашему — не только не родственник, но даже и не однофамилец). Взял рюмку водки, пиво и принялся переживать вечную драму русского человека — размолвку с женой из-за какого-нибудь пустяка.

А неподалеку, сдвинув два столика, расположилась подозрительная группа — бритоголовые, татуированные, громкие и развязные. Самый пьяный из них пошел за очередной порцией шнапса и пива, а там очередь. И он полез вперед. Мужик из очереди одернул его: куда, мол, прешь? А тот полез в драку и получил от мужика по морде. И тут случилось нечто неслыханное: в дальнем углу гаштета вскочил из-за столика плюгавый старичок, вскинул вверх руку с красной корочкой и крикнул: «Хальт! Фолькполицай!» Драка тут же закончилась, толком не начавшись. А старичок подошел к бритоголовым и протянул руку: ну-ка сюда мне ваши аусвайсы! И те покорно стали складывать на его ладонь паспорта. Зачинщик драки из-за их спин попытался было выхватить паспорта, но его тут же осадил свои: ты что, дурак? Сядь и сиди тихо!

Вот. Мне и представить было страшно, что случилось бы с таким старичком в нашей пивнухе.

И много удивления было, конечно, от немецкого изобилия всего. Мы и сами приоделись с запасом, и регулярно отправляли в Воронеж посылки. Шли они, как и письма, месяцами и добирались потрепанными, а то и обкраденными. Либо вовсе не доходили. Зимние сапоги «саламандра» я потом носил еще лет десять, как и любимую куртку из Лихтенштейна, и никогда в жизни у меня не было вещей удобней и комфортней этих.

А через два года, в 1988-м, когда мы вернулись домой с подростком сыном и новым человечком, лапушкой-дочкой, к жене постоянно подходили люди знакомые и не очень — насчет того, чтоб купить детские вещи, когда наши сын и дочь вырастут из них.

Кстати, с напарником и его женой мы сразу договорились, что ни в коем случае не будем покупать знаменитый гэдээровский сервиз «Мадонна», ни чайный, ни столовый, — ну, пошло же! Все обыватели тащат с собой из ГДР эти сервизы, а мы не поддадимся.

Ага, сейчас! Закон природы нас победил, и мы, конечно, эти сервизы купили. И до сих пор еще их остатки украшают наши шкафы.

Не надо кричать!

Коллеги-немцы в лаборатории завода «Карл Цейсс» удивлялись нашему намерению рожать в гарнизоне — да что вы, у нас прекрасная клиника! И, в конце концов, убедили. Роддом оказался совсем иным, чем воронежский. Когда начались роды, и я по бумажке вызвал скорую, приехал один водитель, без врача, и удивился моему желанию сопровождать жену. Но не возражал. Довез до клиники, и медики увели ее. И правда — незачем было сопровождать ее. Ну, разве что держал ее за руку всю дорогу.

А мы с сыном поехали на автобусе домой, и оттуда я регулярно названивал по бумажке в клинику: ну, как, мол?

Когда родился ребенок, мне не сказали, сын или дочь — там это не принято, а предложили приехать, и я удивился: что, стоять под окнами и кричать: Оля! Оля! С рождением сына в воронежском роддоме №2 было именно так, а в Йене оказалось, что можно пройти в палату к жене сразу после родов, а на новорожденную девочку посмотреть через стекло в специальной палате, где все стерильно.

Поразительно, но в том роддоме я не слышал криков женщин. Почему-то не орут немки благим матом, как наши. И не лежат в постелях, страдая: медсестры велят им ходить по коридору туда-сюда. Но по камерам неотрывно за ними следят и, чуть что, кладут под приборы и проверяют, не пора ли.

В лаборатории «Карл Цейса» нам рассказали, что роды бывают тяжелыми, и без криков с благим матом не обходится, но в основном хороший уход и присмотр максимально облегчают стресс и боли. Так что и вправду криков в их клиниках маловато, а то и вовсе нет.

Немцы же рассказали нам байку о том, как однажды в роддоме у медсестер произошла паника после того, как назначили новую заведующую отделением, и о ней было известно, что она одно время профессионально занималась музыкой — играла на фортепиано. Вот чем могли напугать медсестер занятия начальницы музыкой — попробуйте угадать с десяти попыток. Ни за что не догадаетесь! Эту логическую задачу можно загадывать для развлечений компаний — пусть попробуют найти логическую связь.

А дело в том, что у пианисток обычно длинные тонкие пальцы. Заведующая проводит обход с платочком в руках, и если своими длинными пальцами она дотянется в такие укромные уголки помещений, в которых на платочке останется пыль, медсестрам несдобровать. Во как!

После родов жену поместили в палату на двоих. С ней лежала немка из деревеньки неподалеку от Йены, и с ними тоже случился анекдотический момент. Принесли им в обед блюдо — что-то вроде супа: жидкое пюре

с кусочками мяса. Оля, боясь нарушить немецкий этикет, посматривала, чем будет есть его немка, а та, похоже, боялась опростоволоситься перед иностранкой. Тогда жена взяла вилку и стала есть этот суп, а немка последовала ее примеру, и тоже ела его вилкой. Потом мы часто вспоминали этот случай: вот, научила немку советскому этикету!

Роды прошли прекрасно. Носить что-нибудь вкусненькое в роддом не пришлось: жена отказалась: всего ей хватает. Немецкого куратора я спросил, что дарят в роддоме при выписке женщин, и он удивился: ничего. Я настаивал. Нет, вы можете, конечно, принести торт или шоколадку, но вообще-то у нас так не делают.

Мы торт принесли, и ничего, нормально его приняли, хотя и удивились.

Потом уже одна немка из нашей лаборатории ушла в декрет, а через месяц после родов вышла на работу. Мы с напарником пристали к ней: Зигрюнд, а что, у вас нет послеродового отпуска? Есть. А зачем же вы на работу вышли, если отпуск оплачивают?!

Ответ ее меня потряс: но я же не смогу обеспечить ребенку такой уход и присмотр, как в яслях.

Мы не раз видели в Йене, как детсадовских малышей гуляют в специальных тележках по шесть человек, и на каждую группу — нянечка и воспитатель.

Кстати, в Йене мы регулярно общались с русскими женщинами, вышедшими замуж за немцев. Все эти дамы жили в нашем районе и были разведены (менталитет не тот!), но ни одна не стремилась вернуться на родину. Их дети считались немцами, и государство обеспечивало им и их матерям комфортную и безмятежную жизнь — жилье, пособия, льготы и прочие знаки внимания.

Разведенки иногда оставляли нам своих детей, а взамен помогали нам общаться с соседями и прочим окружающим миром, вплоть до полиции, — не может же официальная переводчица сопровождать нас круглые сутки. Но дружбы у русских немчиков с нашим сыном не получалось — какие-то они другие. Сыну проще было общаться с немецкими детьми во дворе. Иногда они приходили к нам в гости — дети как дети, но ближе к вечеру они беспокоились: а сколько сейчас времени? Семь? Мне пора домой!

Никто из них никогда не оставался в гостях после семи вечера.

Еще один штрих: мы с женой на двоих вылечили в клинике Йены одиннадцать зубов, и почти все пломбы стоят до сих пор. У стоматологов там тоже не кричат. После советской стоматологии, с муками лишившей нас множества зубов, мы выразили восхищение переводчице, но она огорошила нас: да что вы, в ГДР по сравнению с ФРГ стоматология — каменный век...

А какой же век был в СССР, где бормашина воспринималась как орудие пыток?

Ветер перемен

Два года прошли, и начальство «Процессора» уговаривало нас с напарником остаться еще на два — им меньше хлопот с переоформлением, да и немцы были довольны работой нашей. Но бабушки и дедушки детей наших ныли в письмах, что у них внучка в Германии родилась, а они даже подержать ее на руках не могут, да и Сашок «постарел» на два года, и

жизнь без внуков им не мила, хоть на кладбище иди. К тому же сыну пора было оформляться в школу, а языка он не знал. Хотя иногда удивлял нас фразами на немецком — нахватался от мальчишек во дворе. Приходит, например, и — мути, гиб мир айне кляйн бонбон! В смысле, конфету ему дать надо.

А еще на родине начались тектонические сдвиги — перестройка, ускорение и гласность; мы жадно слушали новости, и хотелось домой, в гущу. Но если б остались, попали б в другие катаклизмы — падение Берлинской стены, объединение Германий, и куда бы занесли «зовьетише специалистен» те события, никому неведомо.

Мы до сих пор иногда вспоминаем те два года в Йене — один из лучших периодов в нашей жизни.

Как пишут в романах: ты хотел бы пережить это время еще раз?

Да.

5. СЕКРЕТИКИ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Как в СССР берегли производственные тайны

Ко времени перестройки, ускорения и гласности СССР был в кольце врагов, хотя и не в таком плотном, как сейчас, и многие предприятия, даже совершенно невинные, спрятали свои названия под почтовыми ящиками — п/я № такой-то. У командировочных из-за этого возникали проблемы, иногда забавные.

Например, в Москве мы должны были поработать в п/я, которое официально занималось производством байдарок. Приехали. Ищем, но в том районе оказалась промышленная зона, и найти нужный адрес непросто. Спрашиваем прохожих — никто не знает. Наконец, один подсказал: это, наверное, где самолеты? Вон туда идите.

Потом другого спросили, уже про самолетный, и он показал: да вон там!

И точно: адрес совпал, и с улицы издалека было видно крыло истребителя сразу за проходной; его с байдаркой никак не перепутаешь. Уж могли бы для конспирации, что ли, поставить там байдарку.

Прходная особого значения

Московский завод спецсплавов. А в спецсплавы входят золото, серебро и платина. Два часа мы не могли пройти на этот завод, который нас очень ждал. Причиной оказались очки напарника: они не были указаны в пропуске, а напарник мог оправу в цехе позолотить и выйти.

Наконец, разобрались, и мы пошли по пропускному квесту: первая проходная, во второй раздеваемся догола и показываем охране все интимные места, вплоть до оттопыривания и раздвигания. Затем переодеемся в голубые халаты-шаровары, и нас сопровождают в нужное место. Ремонтируем воронежские вычислительные комплексы. Пашем без обеда, чтоб одним днем, — кому ж охота часами торчать опять на проходной.

Ребята из лаборатории рассказали, что борьба с хищениями на предприятии идет неразгибаемая, но победить наших левшей никому не дано: все равно умудряются драгметаллы выносить.

По пути в лабораторию и обратно мы с любопытством озирались и

видели в цехах рулоны самых разных металлов. Но соблазнов у нас не возникало: здесь работают профи, куда нам, дилетантам, против них.

А еще оказалось, что на заводе введен особый режим. ЧП у них случилось: проверка обнаружила пропажу целого ящика с платиной, причем полгода назад. А это ж не какой-нибудь там кусочек или позолота, по поводу которых всегда возникали скандалы и уголовные дела, а хищение государственного масштаба! Насыпалась тьма проверяющих, контролирующих и карающих, и завод перешел на осадное положение.

В конце концов, выяснилось, что ящики с платиной таскали грузчики и в какой-то момент решили перекурить. За разговором в курилке они о ящике забыли и пошли за новым. Почти год этот бесценный груз стоял в курилке, и его воспринимали уже как привычный антураж.

Ближе к концу смены я вдруг понял: мы с напарником никогда не выйдем с этого предприятия! Ведь когда мы проходили квест проходных, раздевались, оттопыривали и раздвигали, то несли с собой сумки с запчастями. Обычный набор командировочных с «Процессора»: исправные модули, инструменты (паяльник — кусачки-пинцеты-отвертки), коробки с транзисторами и микросхемами и т.п. Золотишко или платину можно запросто напихать под микросхемы на модулях, в коробки и даже в паяльник. А досконально проверить все это охране рабочей смены не хватит!

Я поделился этим с напарником, и он тоже понял, в какую кугу мы попали. Больше того, он поделился еще одной проблемой: у него во рту есть золотой зуб, который не внесен в пропуск. А доказательств, что коронка поставлена давно, нет, так что как бы теперь не сесть в московскую тюрьму.

Мы завершили дела свои, подписали акты и пропуска на выход с завода и поплелись к неизбежному. Сняли все голубое, прошли голышом по охранному подиуму, оттопыривая уши и раздвигая все, куда можно было напихать золотишка, и готовы были выдать охране свои сумки с запчастями. Наверное, придется заночевать там, на проходной завода спецсплавов.

Однако все прошло наилучшим образом: охрана обшмонала наши голые тела, включая волосы во всех местах и очки напарника, так и не позолоченные, но зуб его не рассматривали, а главное, в сумки никто даже не заглянул!

Мы потом, в гостинице, долго еще обсуждали, что в них можно было вынести много чего.

Приятности командировок

Помимо хлопот и недоразумений, командировочным с «Процессора» есть что вспомнить и приятного. Например, знаменитый пивбар «Жигули» в Столешниковом переулке столицы. Воронежские бригады регулярно отмечали там приезд или завершение командировки. Причем в «Жигули» всегда стояла длинная очередь, но воронежцы обычно шли ко входу и там охраннику говорили: мы к Леше. Или к Славику. Вахтер звал официанта, и Леша или Славик проводил компанию к столику и накрывал его.

Хорошо сиделось в «Жигулях»! Но, спрашивается, на какие шиши? А вот на какие: у любого командировочного с «Процессора» был чемоданчик с неучтенными модулями и запчастями. Оформлять пропуск на вы-

нос их с завода, а потом на внос — дело нудное, а командировки часто случались срочные, поэтому выносили это добро через проходную на себе, под одеждой. А если поймают, то начальство смотрело на это сквозь пальцы: для работы человек выносит.

Говорили, что одна бригада сумела вынести с завода целый комплекс ВУМС-25 — размером со шкаф, и пропажи этой на заводе даже не заметили: комплексы времен компьютеризации всяя Руси были, повторюсь, «сырые», бракованных блоков и модулей в цехах полно (однажды, например, отправили на экспорт в ГДР сотни дисплеев из изолятора брака, чтоб не срывать поставки), а хорошему наладчику починить брак и вынести — раз плюнуть.

В других городах, особенно в Москве, на эти блоки-модули был спрос, что вполне объясняло почтение официантов «Жигулей» к командировочным с «Процессора».

Были и другие приятности. Например, командировка Адлер — Тбилиси — Ереван. В Адлере мы надеялись подольше задержаться, тем более, что ждали нас там как родных. Но это оказался очень секретный НИИ, и вот какая беда с ним случилась: допуск секретности у нас был второй формы, а к ним нужен был — первой. И нас туда не пустили. НИИ принялся уговаривать «Процессор», чтоб там срочно оформили и подтвердили прибывшим первую форму допуска. А нам ничего не оставалось делать, как вести праздную жизнь, коротая ее на пляже, дегустируя местные вина и чачу, убивая время за преферансом.

Каждый день мы звонили в НИИ, с грустью ожидая, что допуск оформят, но с этим все никак не складывалось. Целую неделю мы так маялись. А потом с «Процессора» сообщили: нет, не выходит с допуском, так что поезжайте, братцы, дальше, в Тбилиси и Ереван: там вас ждут — не дождутся.

Больше такой командировки у меня никогда не было. Я б и теперь охотно в такую съездил.

6. НЕ ДУМАЙ О РЕМОНТАХ СВЫСОКА

Как мы мешали КПСС пойти по китайскому пути

В середине восьмидесятых партия объявила хозрасчет и двинулась в сторону нынешнего китайского пути. Но в итоге что-то у нее не сложилось, и страна пошла по неверному пути обычной колонии, из которой выкачивают массу природного добра: нефть, газ, металлы, лес, морепродукты, золото-бриллианты и вообще все, что имеет спрос за границей.

Свою лепту в неверный этот выбор внесли и мы с напарником. Так получилось, что мы с ним первыми на «Процессоре» начали претворять в жизнь планы партии.

Подсчитали — прослезилась

Партия сказала: надо, и мы с напарником ответили, как пионеры: есть! И отправились в первую на заводе хозрасчетную командировку. В смысле, сколько наработаете, столько и получите.

Путь наш был извилист: Воронеж — Северодонецк — Харьков — Киев — Кишинев — Минск — Калининград — Ленинград — Москва — Воронеж. В Киеве, Ленинграде и Москве мы оставались по неделе, а в

остальных городах старались обойтись одним днем: налетели, починили все, что можно, и снова в путь-дорогу.

Славная была командировка! Из нее мы привезли кучу подписанных договоров и актов выполненных работ, предъявили их к хозрасчету и стали ждать, что из этого выйдет.

А вышло вот что: плановый отдел завода обсчитал нашу работу и заработки и объявил: нет, это ни в какие ворота не лезет! Если хорошей зарплатой наладчиков и инженеров считалось рублей сто пятьдесят в месяц, то у нас получилось раз в восемь больше. Это может сломать сложившуюся финансовую систему предприятия. Нет, заявил плановый отдел вместе с бухгалтерией, закатывайте губы обратно!

Мы погоревали и постарались забыть, но потом умные люди надоумили нас написать жалобу в партком завода: мол, бюрократы ставят палки в колеса курсу КПСС на хозрасчет и обижают работяг, первыми претворяющими в жизнь генеральную линию партии.

И вот однажды, когда я сидел дома в отгулах, с работы зашел к нам напарник и вывалил на стол невиданную кучу денег: тысяча с лишним — зарплата, хозрасчет! Жена поразилась: это вы вдвоем столько заработали?! А он сказал: нет, это только твой муж, а у меня еще такая же куча.

Не знаю, как бухгалтерия выдала ему мою зарплату. Но больше о таких хозрасчетных командировках на «Процессоре» мне слышать не приходилось.

Как союз писателей компьютеры чинил

К концу восьмидесятых в стране уже сильно пахло новой жизнью, и бригада из четырех «асов» ушла с «Процессора» в поисках новых возможностей. Тогда по всей стране плодились молодежные центры, гнездовья будущих олигархов, и мы пристроились под крышу одного из них, зарабатывая все тем же ремонтом вычислительных комплексов. Зарабатывать стали лучше, чем на заводе, но «крыша» получала с наших договоров больше, чем сами наладчики, и эта несправедливость заставила искать другое пристанище.

Волгоградская пуско-наладочная контора предложила нам больший процент, и некоторое время поработали там.

А к тому времени был у меня членский билет Воронежского отделения Союза российских писателей, и простая мысль самим определять плату за «крышу» привела нашу бригаду туда.

Казалось бы, где писатели, и где компьютеры, но оказались они вместе — к полному удовольствию как бригады нашей, так и творческого союза, который на безрыбье получал хоть какую-то денежку.

В отличие от молодежных центров, давших стране плеяду сырьевых олигархов, воронежский союз писателей ни одного человека в олигархи не вывел, а просто дал возможность нашей бригаде неплохо зарабатывать.

Деньги по договорам мы выбирали командировочными. Ездили на шашашку на неделю, максимум две, а оформляли командировку на весь месяц. Тогда это было просто: билеты на поезд были безымянными, и один из нас раз в месяц ездил на вокзал к прибывшему из Москвы поезду и покупал у проводника 4 билета по рублю. В купе или даже в СВ. Или брал бесплатно, пройдя по вагону. И по билетам выходило, что в командировке мы были месяц.

В столичном НИИ то ли физической химии, то ли химической физи-

ки у нас случилась просто лебединая песня, хотя и с приключениями. На мой звонок они откликнулись так:

— Вы и вправду с «Процессора»? И что, можете к нам приехать?

Мы могли, и за нами прислали директорскую «Волгу». В лаборатории нас окружили программисты: беда у них. Из десяти комплексов работал лишь один, а московский техцентр, который официально их ремонтировал, вызывал у программистов лютую досаду: на заявку придет мальчик (или девочка), заберет что-то в ремонт, и с концами.

У нас все было иначе: развернули схемы, осциллографы (нам даже притащили откуда-то японский «Тектроникс») паяльники, запчасти и принялись расковыривать гору их брака. Когда заработал первый комплекс, программисты даже поссорились, кому первым на нем работать, а нам предложили курить на месте, чтоб не терять время, и даже принесли пепельницы. Потом притащили нам обед из столовой, молча дышали за нашими спинами и на лету ловили каждую просьбу.

Это и в самом деле была лебединая песня: к вечеру у них работали восемь комплексов, а в остальные два мы сложили весь хлам, который не смогли починить.

Такого счастья программисты не ожидали, принесли нам трехлитровую банку медицинского спирта (физхимия!) и не знали, чем еще угодить. Я пошел к директору подписывать договор в сопровождении целой делегации во главе с начальбом и начальником отдела. Деньги на договор с нами у них были: тогда безнал предприятий был иным, и «средства» нужно было до конца года потратить, а то на следующий год их урежут.

Директор выслушал восторженную делегацию, дал добро на договор и попросил подождать в лаборатории.

Но вскоре возник облом: юрист и главбух НИИ визировать договор отказались: это ж смешно — ремонт и обслуживание вычислительной техники союзом писателей! Вы в своем уме? У нас серьезная организация!

Два часа я вел переговоры с директором, главбухом и юристом, и в итоге они стали большой дипломатической удачей: договор подписали — на радость нашей бригаде, которая уже пала духом, и к удовольствию программистов, которые продолжали колдовать на оживших комплексах; лишь один с тоской уехал домой из-за срочного дела, а начал позвонил домой и сказал жене, что вернется нескоро: приехали наладчики с «Процессора», и это какое-то дикое везение!.. Голос у него был такой, что, будь я женщиной, непременно простил бы его.

...Уже во времена капитализма один из нас, попав в полосу безденежья, полез за чем-то на полку в кладовке, нечаянно опрокинул старую коробку, и на него посыпались деньги — заначка на черный день, о которой он давно забыл!

Это был очень своевременный привет из тех времен, когда он трудился в столь почтенной организации как союз писателей.

7. У МЕНЯ БЫЛА «КОПЕЙКА», Я ЕЕ ЛЮБИЛ

1991-й год был переполнен глобальными событиями — живая история! РСФСР и прибалтийские республики признали друг друга суверенными. Демонстрация в Москве (до 300 тысяч человек) против событий в Вильнюсе и с требованием отставки Горбачева.

В Цхинвали шли бои осетин и грузинской милиции с применением гранатометов.

«Павловская реформа»: обмен купюр 50 и 100 рублей образца 1961 года.

Манифестация против запрета программы «Взгляд», забастовки шахтеров, 500-тысячный митинг в Москве в поддержку Ельцина и за отставку Горбачева.

Референдум о сохранении СССР, ввод войск в Москву «для защиты депутатов от морального террора демонстрантов»; массовая демонстрация — и на следующий день войска выведены.

Грузия вышла из СССР, и ее президентом избран Звиад Гамсахурдия, следом Чечня объявила о независимости (Джохар Дудаев). Вывод советских войск из Венгрии, Польши, Чехословакии, конфликт в Карабахе; остров Даманский отошел к Китаю.

Ельцин избран Президентом России (вице-президент — Руцкой), Минтимер Шаймиев — президентом Татарстана, Гавриил Попов — мэром Москвы, Анатолий Собчак — Ленинграда.

Распущен СЭВ, расторгнут Варшавский договор. Джордж Буш и Михаил Горбачев подписали Договор о сокращении стратегических вооружений.

Август, ГКЧП, ввод войск в Москву, массовые демонстрации, знаменитая «пресс-конференция дрожащих рук». Арест членов ГКЧП. Ельцин приостановил деятельность Компартии РФ. Уход Горбачева в отставку. Украина объявила о независимости, а ВС СССР принял декларацию о распаде державы и образовании СНГ.

Колоссальные перемены с разрушением самого колосса!

«Ласточка» с весной

А в моей семье тоже произошло историческое событие: я купил первую в жизни машину — ВАЗ-2101. Где-то за городом, очень недорого: 15 тысяч рублей за 15-летнюю старушку.

Первая сдача на права стала забавной: инструктор и 4 абитуриента в машине подъехали к кольцу у областной ГАИ («Бермудский треугольник»). А там поток. Первый сдающий сидел-сидел и не рискнул выехать. Инструктор велел: следующий. Но картина повторилась трижды: ни один не смог выехать.

Вторая сдача прошла успешно, и жизнь нашей семьи изменилась: мы стали ездить с детьми на речку и в лес, и жене больше не нужно было таскать неподъемные сумки с продуктами.

Благодаря «копейке» 10-летний наш сын даже стал мужчиной. Случилось это так. Застряли мы как-то в грязи на проселочной дороге. И все попытки выбраться провалились. Грязный и потерявший надежду, я предложил посадить сына за руль, а самим толкать недвижимость нашу. Жена пришла в ужас: ребенка за руль?! Да еще со спящей лапушкой-дочкой в машине?! Но вскоре она поняла, что другого выхода нет. Я трижды объяснил сыну, что и как он должен делать, пока нас с женой колеса будут заляпывать грязью. Он стал очень серьезен и слушал меня как никогда прежде. Сын все сделал как надо, и, когда мы выбрались-таки из плена, пытался скрыть радость, но она просто распирала его.

Одна проблема: «ласточка» наша была хворой и часто намекала, что ей пора на покой. Я изучал ее анатомию, разбирал и чинил стартер, карбюратор, генератор и тормозную систему. Катал машину по стоянке на Остужева к уклону, чтоб завести с толчка, регулярно лежал под ней и

говорил с ней как с родной; она старалась, но у нее будто написано было на капоте «да когда ж я сдохну».

Но покоя ей не было. Производство на «Процессоре» накрылось — в страну хлынул поток импортных компьютеров, и технарей выбросило с завода в новую реальность: выплывайте как знаете. Многие инженеры, читавшие умные книги, знавшие закон Ома и язык шахмат, ушли в «челноки».

Я зарабатывал на жизнь извозом; ничего, как-то выживали. А потом образовалась новая бригада с «Процессора»: мы ездили на моей «копейке» с прицепом по селам Воронежской области, там хозяева резали свиногошек, а мы привозили мясо на Димитровский рынок и торговали им. Инженеры, блин, — за прилавком в передниках с разводами сукровицы. Зато семья всегда была с мясом. Да и с деньгами.

Неизвестно, как оторвалась дверь у прицепа, который я позаимствовал у брата, — может, до сих пор она валяется где-то в канаве у проселочной дороги. Но это пустяки. Потому что без двери обойтись можно, а без исправного радиатора — нет. Ранним утром мы возвращались с востока области, торопясь на рынок, прицеп был набит под завязку свиными тушами, а табло в машине показало перегрев двигателя, угрожая ему смертью.

Вышли и обнаружили, что радиатор течет. Вокруг — степь бескрайняя, птицы поют, насекомые стрекочут, и четверо мужиков вокруг умолкшей машины.

Картина Репина: один за рулем, а трое «бурлаков» толкали «копейку» с прицепом до ближайшего села. Там заливали воду в радиатор и безуспешно пытались чем-то залепить свищ. Какое-то время ехали, а потом снова глушили мотор и катили машину к воде.

Таки докатились до рынка. Потные и чумазные, разгружали туши, несли печенку санврачу за печати на мясе и стояли за прилавком. Иногда на рынок приходили знакомые, но я не стеснялся своей новой роли, а даже горделиво думал, что мужчине полезно ради семьи примерить любую роль — да хоть ассенизатора!

Пришли однажды два залетных чмыря и заявили нашему бригадирю, который на Димитровском рынке был своим, что они теперь наша крыша. Бригадир их пощадил, и они ушли с рынка невредимыми.

Про тормоза

Выдержать такой режим престарелая «копейка» не могла, и однажды тормозная ее система приказала долго жить. Я пытался прокачать ее, покупал жидкость, менял тормозные цилиндры, долго лежал под ней, умолял и пытался даже по-инженерному сокращать тормозные контуры, чтоб определить причину. Но не определил.

Кое-как доехал к гаражу брата, и они с другом, матерые шоферюги, усмехнулись: что? Не можешь тормозную систему прокачать? И сказали так: иди в магазин за пузырем, а когда вернешься, будет тебе тормозная система.

Это было в обед, и я сходил в магазин, а вечером эта матерая парочка сообщила, разводя замасленными руками: ничего не понимаем...

Неисправность так и осталась секретом, а из-за моих попыток реанимировать старушку я перестал видеть жену и детей, и они решили, что ну ее на фиг, такую машину; муж и отец дороже. И я продал ее полумерт-

вое тело какому-то энтузиасту, который возомнил, что сумеет вернуть ее к жизни, за \$700 (с 92-го в России разрешили доллары); сейчас такие цены кажутся фантастикой.

Теперь у нас в семье живет старенькая «Тойота» (опять купил 15-летнюю!), и я до сих пор удивляюсь: надо же, повернул ключ — она заводится и едет, не выдвигая никаких условий и экономических требований.

А брат, давно забывший свою первую машину, «шестерку», забыл и удивляться: те «Жигули», требовавшие массу хлопот, заменили безотказные слуги. Ныне мужики не знают прелестей гаражной жизни и не умеют перебрать стартер или карбюратор с завязанными глазами. Да и гараж стал ненужным — а это ж образ жизни нескольких поколений, достойный философского трактата!

Теперь брат периодически меняет машины, но родными они ему не становятся. Ну, джип, ну, навороты всякие — это для мальчиков, чтоб девочек восхищать.

Вот, говорит он, когда-то быт поколений был почти одинаковым, а жизнь вещей дольше человеческой: их передавали детям и внукам. Теперь все изменилось, и век вещей на глазах становится все короче.

Ну и ладно.

8. КОЛОДЕЦ ВРЕМЕН

Старая, отец пытался рассказывать нам с братом какие-то эпизоды из своей молодости и жизни в деревне, и мы вежливо слушали. Он никогда не вспоминал войну, на которую ушел в 18 лет и с которой вернулся раненым: осколком танкового снаряда у него вырвало часть плеча. Теперь, когда его нет, было бы интересно послушать те истории. А еще интересно — о том, что он вообще помнил из детства: какой она была, та жизнь?

Наверное, моим детям, а потом и внукам со временем такое тоже станет интересно. Но спросить будет некого. Однажды они, старая, найдут где-нибудь эти записи и что-то увидят на дне колодца тех времен, когда их родители сами были малышней.

Времена года

Середина 50-х, рабочий поселок Рамонь под Воронежем, наш дом на улице Советской... Детская память обрывочна, но что-то оттуда сохранилось навсегда.

У нас была корова, но я совсем ее не помню. Зато помню, что зимой у нас в сенцах жил теленок, и это полностью изменило запахи в доме — смесь молока, мочи и соломы.

Матушка старалась приучать меня к труду. Давала, например, качать на коленях огромную банку со сливками, в которой происходило чудо: в ней появлялись комочки масла.

Еще мы с отцом чистили двор от снега, и кажется, что в те времена зимы были намного снежнее, с громадными сугробами; в них можно было выкапывать ходы и целые комнатки, в них был уютный запах зимы. А после лазанья по сугробам так приятно было сидеть у печки, подбрасывать поленья и смотреть на огонь.

Зимой отец хаживал на рыбалку, но меня брал редко, и рыбалка была совсем иной, чем летом. В памяти остался толстый лед с трещинами от мороза, лунки и ощущение закрытой двери в таинственный мир подо

льдом. Сам отец становился похожим на сторожа или на Деда Мороза, а рыбешки его были заледеневшими и некрасивыми.

Зимой же из-за меня погиб наш дворовый пес Тарзан, похожий на кавказскую овчарку. Откуда-то в нашем доме появился котенок, и я вышел во двор, держа его на руках. И тут случилось страшное: добрый обычно Тарзан с рычанием бросился ко мне, пытаясь добраться до котенка, я в ужасе бросил его и увидел первое в моей жизни убийство. А потом отец и милиционер стояли в конце двора, Тарзан убежал от них по огороду, милиционер дважды выстрелил, и матушка увела меня в дом.

Запах стружек — отец столярничал и сам делал из некрасивых досок настоящие стулья, лавки, стол и много чего еще, и в мастерской, устроенной в сарае, стоял запах древесины и красок; мне нравилось что-нибудь строгать и казалось, что отец напрасно беспокоится: да не поранюсь я рубанком или фуганком, просто хочется побыстрее самому научиться превращать доску во что-то полезное и красивое.

В том же столярном закутке он сделал мне городки, каждой бите было присвоено имя, и мы с друзьями играли в них в любое время года.

Родная речка

Весной мы с отцом смолили лодку, стоявшую во дворе, и она заранее пахла рекой, кувшинками и лилиями.

Летняя речка Воронеж была совсем другим миром, чем дом, двор или улица, и каждое плавание на лодке было путешествием в другое измерение, в котором сквозь толщу воды видно дно, узоры водорослей, пугливых рыб, разбежавшихся от нас как стайка мальчишек. Хотелось туда, плавать вместе с ними по лабиринтам причудливых водорослей, и порой мне это снилось, как и летание во сне.

Под бугром над рекой был песчаный пляж, куда мы ходили купаться. А напротив пляжа — остров, и туда можно было перейти вброд, поднимая руки с одеждой, потом, по колено в воде, по тропе через заросли тростника. На фоне желтого песка там плавали не только мальки, но и рыбы побольше — плотва, красноперки и окуни; мы забрасывали удочки перед собой и видели, как рыбы подплывают к крючку и дергают наживку. Рыбалку на острове я не помню, а тропу — очень. Я б и теперь по ней погулял.

Однажды мне под коленку присосалась большая пиявка, а я не чувствовал ее. На берегу мальчишки закричали: глянь, глянь! — и я ужаснулся, стал отрывать ее, и никак, а потом из крошечной ранки потекла кровь; я залепил ее листом подорожника — средством от любых порезов и ран у мальчишек, но кровь еще долго сочилась по ноге. А пиявку ту мы с мальчишками забили насмерть концами удочек. Вот других пиявок в своей жизни я и не помню.

...С соседским мальчишкой мы шли по разные стороны улицы и швырялись друг в друга камнями. Один из них попал мне в глаз; лишь много позже я понял, какой бедой это стало для отца и матери, они возили меня к врачам в Воронеж, и глаз остался цел.

Еще мы ходили на футбол; команда Рамони называлась, как и воронежская, «Труд», и один игрок, который часто «обматывал» соперников, мне особенно нравился, а главный бомбардир, популярный у мальчишек, нравился меньше. Много позже, играя в дворовой команде «Алмаз» на «Кожаный мяч», я и сам любил «обматывать», но истоков этого не помнил.

А осенью машины возили по улице свеклу на Рамонский сахарный завод; машины трясло, и свекла иногда падала, но мы лихо цеплялись за задний борт полуторки и сбрасывали добычу. Подбирали и несли ее домой — просто, мол, собрали на дороге. Еду в семью принесли. И с удовольствием ели потом сладкую пареную свеклу.

Но главным лакомством на улице был кусок хлеба, смоченный водой и посыпанный сахаром. Выйдешь с ним, и кто-то наверняка подбежит с криком: «Сорок восемь — половину просим!» И надо успеть раньше крикнуть: «Сорок один — ем один!» Но потом всегда делились: одному ж неинтересно есть. Да и жмотом быть не хотелось.

У друга моего детства Валерки в доме был земляной пол. Теперь это кажется экзотикой, а тогда такой дом по сравнению с землянками был большим благом.

Пепин-шафран и воры

Отец и мать посадили юные яблони и ждали, что теперь у нас будет свой сад. Однажды на них появились первые завязи, а потом и крохотные плоды — дети яблочка сорта пепин-шафран.

С первым урожаем случился казус. Когда яблочки были уже с мой кулак, родителям пришлось оставить меня дома одного. Они боялись, что я уйду гулять и потеряюсь, и решили меня напугать. Сказали, что поручают мне очень важное дело: сад сторожить. Мол, ты уйдешь, а воры увидят, что никого дома нет, залезут в сад и все наши яблочки украдут. Так что никуда не уходи, по двору гуляй или в саду, а потом и мама вернется.

Я сидел на крыльце и старался не думать про воров. И у них наверняка есть мешок; он-то пугал меня особенно. И жалко было, что, может, воры сейчас рвут наши яблочки, а я сижу здесь. Потом отец скажет: а еще мужчиной называешься!

В общем, когда мама пришла, рядом со мной на крыльце лежала горка сорванных, но спасенных яблочек — вот, ни одного не украли!

Вечером отец пришел с работы и очень огорчился. А потом сказал: ну, ничего, малыш, ничего. В следующем году обязательно соберем с наших яблонь первый урожай.

Яблочка сорта пепин-шафран я не встречал уже много лет; они остались где-то там, на дне колодца времен.

